

Томас Карлейль

Чартизм

Томас Карлейль

Чартизм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10305663

ISBN 978-5-4474-1057-5

Аннотация

«Чартизм» – это не просто работа выдающегося английского философа XIX в. Томаса Карлейля, посвященная одноименному движению. Это глубинный анализ как имеющихся, так и грядущих проблем Европы, входящей в XX в.: эмиграция и иммиграция, ужасающее положение рабочего класса, отмирание церкви, разложение правящей элиты и набирающий силу парламентский демократизм. На них Карлейль нападает с присущей ему силой и предлагает свои, подчас очень неоднозначные решения.

Содержание

Глава I	5
Глава II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Чартизм

Томас Карлейль

«Нет дыма без огня», – поговорка.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Томас Карлейль, 1839

© А. Н. Мишурин, перевод на русский, 2015

Научный редактор И.И. Мюрберг

Рецензенты д.ф.н. В.И. Шевченко, к.ф.н. А.Г. Сытин

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава I

Вопрос о текущем состоянии Англии

Все ощущают, что состояние и положение рабочего класса ныне является неким зловещим вопросом; что по отношению к нему нужно что-то сказать, нужно что-то сделать. И конечно, в эпоху, когда «Народную петицию» везут в фургонах по улицам и представляют ее реформированной палате общин как «скрепленную железными кольцами воли четырех ее создателей»; и чартизм, набравший полтора миллиона сторонников, но ничего не добившийся своей «окольцованной» петицией, разбивается на куски, словно дешевая тротуарная плитка, и разлетается искрами пожара, столь всеобщее ощущение просто не может быть фальшивым! Нам лично этот вопрос кажется и много лет казался самым зловещим из всех практических вопросов; вопросом, по отношению к которому, если пустить все на самотек, нечто произойдет само, да так, что мало никому не покажется. Воистину, пришло время действовать; сколько можно консультироваться, говорить и требовать тщательных расследований!

Из газет нам известно, что чартизм вымер; что реформационное министерство «сразило химеру чартизма» самым что ни на есть действенным образом. Так говорят газеты;

и все же, увы, большинству их читателей известно, что на самом деле сразили «химеру», а не реальный чартизм. Разоб-
щенное, бессвязное олицетворение чартизма, которое офор-
милось и вышло вперед в последние месяцы, – вот что бы-
ло сражено; или скорее упало и разбилось само, по законам
гравитации, законам природы; но живая сущность чартизма
не уничтожена. Чартизм – это горькое недовольство, нара-
стающие свирепость и безумие, а потому неправильное со-
стояние или неправильное положение английского рабочего
класса. Это новое название для того, у чего были тысячи на-
званий и еще тысячи будут. Вопрос чартизма – весомый, глу-
боко укорененный, широко распространившийся; он не вче-
ра появился и ни в коем случае не исчезнет сегодня или зав-
тра. Реформистское министерство, сельская полиция, новый
призыв солдатни, дотации Бирмингему – все это к добру или
худу; все это способно сразить лишь олицетворение или «хи-
меру» чартизма. Сущность же его продолжит существовать,
будут появляться все новые и новые его олицетворения –
безумные, или не очень, химеры. Печальный факт, но то, что
ныне зовется чартизмом, никуда не уйдет; оно и раньше ни-
куда не уходило; и даже «сраженное», превращенное в тай-
ную измену, с помощью заржавевших пистолетов, купороса
и коробка спичек или с помощью размахивания дубинками
и факелами (и еще не известно, что хуже), оно продолжит
существовать до тех пор, пока не будут применены карди-
нально иные методы. Что означает это горькое недовольство

рабочего класса? Откуда и куда оно движется? Прежде всего, за что, на каких условиях оно согласится удалиться от нас и упокоиться с миром? На эти вопросы надо ответить.

Просто сказать, что это безумие, разжигание и нечестивость – не ответ. Не важно, на сколько ладов будут произнесены эти слова – они все равно ничего не объясняют. «Банды Глазго», «грабители из Глазго» – все это вшивые прозвища: практика «пункта 60»¹, вошедшего в серую зону, дабы договориться с убийцами и установить цену крови в христианском городе, некогда известном своим строгим следованием христианским догмам, – вот факт, которого, несомненно, стоит бояться; но чем поможет страх? Чем помогут проклятья; да нет, в конце концов, чем помогут его осуждение и изгнание на Ботани Бэй? Банды Глазго, чартистские факельные встречи, бунты в Бирмингеме. Перескакивающий огонь, множество внешних симптомов; бессмысленно бороться с симптомами, если не бороться с болезнью. Выходящие на поверхность нарывы, излечимы они или нет, – всего лишь малая часть проблемы, которая злорадствует глубоко внутри, отравляя источники жизни и определенно находя для себя все новые и новые способы обернуться нарывом или язвой; способы, которыми она сообщает, что все еще здесь и что она с радостью бы здесь осталась.

¹ Пункт 60 нового закона о бедных отменял пособия для семей военнослужащих и, в случае если они оказывались за чертой бедности, разрешал отправлять их в работные дома. (Здесь и далее примеч. пер.)

Ничто под луной не происходит без причины: разобщенный чартизм не стал бы бунтовать просто так, если бы ему удалось заставить всех думающих людей нашего общества думать об этом жизненно важном вопросе, на который в противном случае никто бы не захотел обратить внимания. Разве плохо живется английскому рабочему классу, настолько плохо, что рационально мыслящий рабочий не может, не станет и даже не должен бездействовать в сложившейся ситуации? Вот самый животрепещущий вопрос, далеко превзошедший по важности все остальное; вопрос, в котором Ботани Бэй, сельская полиция и тому подобное никак не помогут. Или недовольство настолько безумно, насколько безумна его форма? Не положение рабочего класса плохо; но его настроение, его мысли, ожидания и чувства плохи? И это тоже животрепещущий вопрос, может, чуть менее заметный, чуть менее сложный, чем предыдущий. Но и в этом вопросе, где полиция и простая суровость насилия кажутся уместней, собственно насилием не добиться всего, не добиться даже и многого. Если и правда в этом недовольстве отражается всеобщее безумие, тогда всего лишь надо вернуть происходящему чуточку разумности и удовлетворения — и не только при помощи сил полиции. Когда большая часть народа обезумела, все его деяния обернутся сумасшествием, разобщенностью и гибелью! Основной массе народа надо вернуть разумность; иначе насилие как таковое работать не будет.

Мы слышали, как кто-то спросил: «Почему парламент

не касается вопроса рабочего класса, его реального положения или условий существования?» И правда, для удаленного наблюдателя парламентской деятельности кажется удивительным – особенно теперь, в реформистские времена – видеть, какое место занимает данный вопрос в умах нации. Разве найдется другой такой вопрос, который бы столь же давил на законодателей? Реформированному парламенту, как могло бы показаться, следовало бы узнать о распространенных среди населения недовольствах, прежде чем начать мерить их длиной пик и жаром факелов! Зачем члены парламента отправились к часовне Св. Стефана² с криками и напряжением; продолжали говорить, бороться, выдвигать предложения и контрпредложения? Состояние народа есть состояние страны: вы бы ответили, что это вечная банальщина; но ныне банальщина все больше походит на правду и хочет, чтобы так с ней и обращались. Почитайте-ка, если вам нечего делать, стенограммы парламентских дебатов или утренние выпуски газет! Этот великий неизменный вопрос – А ли у власти или Б – сопровождаемый вырастающими из него бесчисленными маленькими вопросиками, судебными решениями и избирательными правами для благословенных решений вроде канадского вопроса, вопроса об ассигновании Ирландии. Вопроса о Вест-Индии. Вопроса о статусе королевской спальни; законы об азартных играх, законы о ростовщи-

² В часовне Сен-Стефана заседала палата общин (с 1547). Часовня была полностью уничтожена в результате пожара (1834).

честве; о неграх, кули³, мясе со смитфилдского рынка и «собачьих упряжках»⁴ – вопросы на любой вкус, за простым исключением этой альфы и омеги всего! Конечно же, уважаемым членам палат также приходится касаться вопроса о текущем состоянии Англии. Об этом, в первую очередь, разглагольствуют радикальные парламентарии, друзья народа, избранные в борьбе, избранные народом для интерпретации и артикуляции глупых глубинных нужд населения! Стороннему наблюдателю они кажутся абсолютными бездельниками. Разве они там не для того, чтобы выторговывать, поручать и выражать свои и чужие точки зрения, не ради того, чтобы действовать на благо британской нации? Что бы там ни было, по крайней мере, британские интересы могут говорить сами за себя, ибо в конце концов их хотят услышать. Вот и получается, что парламентарии либо говорят за широкие тупые трудящиеся массы, которые не в состоянии говорить сами, либо занимаются тем, что очень трудно уловить.

Увы, сторонний наблюдатель не ведает природы парламента: как именно парламент, существующий для процветания британской нации, вдруг понимает, что он существует еще и для собственного процветания; как парламент столь естественно двигается в сторону глубоко укорененной рутины, а банальность выдалбливает свою колею полметра глу-

³ Рабочие-кули – наемные работники, привезенные, как правило, из азиатских колониальных владений Англии.

⁴ Собачья упряжка – двухколесная гужевая карета.

биной, из которой его, словно автомобиль, может вытащить только сила – вдохновение и серьезное мужественное усилие; как именно в парламенте, реформированном или неререформированном, может оказаться сильный человек – оригинальный, дальновидный, великодушный, терпеливый и отважный мужчина, а как может оказаться его противоположность; как в принципе парламент находит себе занятие, громыхая, двигаясь по своей глубокой колее банальности, выясняя то, что иначе бы выяснили многие из нас, а именно, что колея эта полметра глубиной и его движение крайне затруднено! Что должен делать парламент, что он сделает, что он может или не может сделать и где могут находиться границы его компетенции и ответственности – было предметом нашего исследования, говорить о котором мы пока не будем. Того, что наделал парламент, к сожалению, и так достаточно. До сего момента по этому самому животрепещущему из всех национальных вопросов коллективная мудрость нации не одарила нас ничем.

И все же, по нашему мнению, этот вопрос нельзя оставить на милость коллективной глупости нации! В стенах парламента или за ними по отношению к этому вопросу не должно проявлять невежества, пренебрежения и заблуждения; нужно по-настоящему проникнуть в его суть. Как невообразимо полезны были бы такие проникновения; наличие полного понимания высшими классами общества того, что на самом деле хотят сказать классы низшие; ясная интерпрета-

ция тех мыслей, что мучают сердца этих диких немых людей, бьющихся и кричащих от боли, словно неразумные звери, не способные к самовыражению! Они и правда хотят что-то сказать; нечто истинное сидит внутри этих смущенных сердец – ибо они тоже были созданы небом: и для неба это ясно; а для нас нет. Ах, если бы мы только понимали! Абсолютная ясность в этом вопросе была бы равна избавлению от него. Ибо, как говорится, всякая борьба есть результат недопонимания; если бы стороны понимали друг друга, столкновения бы прекратились. Ни один человек в глубине души не стремится к несправедливости; всегда имеет место некое искаженное представление о правде: это искаженное представление самым причудливым образом преломляется, гиперболизируется естественной глупостью и эгоизмом; оно десятикратно преломляется в озлобленной борьбе, до тех пор пока не становится абсолютно неузнаваемым; и все же оно остается представлением о правде. Сам ли человек виноват, что то, за что он сражался, было неверным, противным справедливости и разуму, и если да, то он сам был бы виноват в постигших его осуждении и отчаянии; он бы сам отказался от борьбы. Нет, независимо от права, если бы борющиеся стороны смогли правильно оценить мощь и силу друг друга, одна бы из них по необходимости призвала бы другую к миру; так закончилась бы их борьба. Ни один африканский поход ни во времена Геродота, ни теперь не устоит против африканского горячего ветра. На этом поприще была лишь

одна удачная экспедиция; африканский ветер самум периодически дует и сегодня, дует яростно, сводя с ума, как, впрочем, и всегда; но одной экспедиции было достаточно. Разве не все мы смертны? Мы все с рождения приговорены к высшей мере наказания, к смерти; и все же, зная об этом, мы терпеливо продолжаем жить, терпеливо продолжаем ждать того момента, когда придет наш черед. Ясное неоспоримое право или ясная неоспоримая сила: как только проявится одно из двух, эта борьба закончится. Всякая борьба есть беспорядочный эксперимент по проявлению одного или обоих этих понятий.

Что есть право и что есть сила современного неудовлетворенного английского рабочего класса? Он – Эдип, избавитель от страшной социальной болезни, который может решить все проблемы! Ибо, мы заранее можем сказать: борьба, по всей Европе разделяющая общество на высшее и низшее, что наиболее болезненно и заметно в Англии, так же, как и все остальные противостояния, закончится и устанет, как только станет ясно, на чьей стороне право и сила; и никак иначе. А пока у нас есть вопросы. Почему рабочий класс недоволен; каково его состояние – экономическое, нравственное; каково реальное состояние жилищ и сердец его представителей и каким оно видится им; на что они жалуются; на что они должны, а на что не должны жаловаться – вот вопросы, на которые можно ответить; некоторые из них мог бы прояснить даже самый простой смертный – задумай-

ся он хоть на минуту. И раз уж никто этого не сделал, то мы теперь представим вам кое-какие наши исследования и идеи по этим вопросам. Эти исследования не принесли плодов; а идеи стары и печатаются для того, чтобы наконец высказать их. Мы надеемся, что наше общее рассмотрение этой проблемы, если нам удастся высказать все, найдет понимание у многих честных людей.

Глава II

Статистика

Остроумный политик сказал: с помощью цифр можно доказать все что угодно. Мы заглянули в различные статистические труды, отчеты Статистического общества, отчеты о законе о бедных и немало других отчетов и брошюр, прилежно изучая вопрос жизни рабочего класса и его положении в Англии; к сожалению, все было безрезультатно. Одно суждение опровергает другое; согласно старой пословице: «статистикам закон не писан!»⁵ Графики, словно паутины, словно бочка Данаид⁶; красивая сетка, на которую приятно смотреть, но которая не приводит ни к каким выводам. Графики – это абстракции, а их предмет самый что ни на есть конкретный, так что, всматриваясь в них, трудно постичь его суть. Существуют мириады деталей; и любая упущенная деталь может оказаться жизненно важной – на которой все и держалось. Статистика – это наука, которую должно чтить, основа для многих других важных наук; но науку эту более всех остальных двигает не поток фактов; для нее нужна

⁵ Букв.: «Статистик думает, стоит ему захотеть – и колокол зазвонит!». Английская пословица, как и в русском варианте, говорит о дураках.

⁶ Бочка Данаид – в греческой мифологии бездонная бочка, которую в наказание за убийство своих мужей обречены вечно наливать 50 дочерей аргосского царя Даная.

мудрая голова. Убедительные факты не отделить от неубедительных не иначе как головой, которая уже сама по себе обладает пониманием и знанием. Бесплезно посылать подслеповатых и слепых на берег Пактола⁷, сколько бы золота там ни было; такие найдут только гальку; лишь ясно видящий искатель найдет там частицы золота. А ныне эти подслеповатые, с клятвенными заверениями и выдающейся назойливостью, преподносят вам свою гальку в качестве золота; что же с ними поделать? Можно надеяться, что статистика со временем станет лучше и будет хоть на что-то годна. А пока следует опасаться происходящего, ведь один ворчливый статистик отчасти оказался прав: «Разумный человек, – сказал он – заглядывает в статистику не для того, чтобы что-то узнать, а для того, чтобы не дать всучить себе всякую чушь». С какой безмятежной непогрешимостью один из членов очередного Общества Полезного Знания затыкает вас своими циферками! Ему-то кажется, что он только что извлек эссенцию сущего и тема исчерпана. Нужно чтобы вы взглянули на эту его эссенцию и, увы, узнали, может не без сожаления, что она бесцветна, безвкусна и подходит лишь для того, чтобы смыть ее в канализацию.

Дважды или трижды слышали мы, как плач и пророчества гуманного Иеремии⁸, заступника бедных, затыкался стати-

⁷ Пактол, или Хризорроас («златоносный») – река в Малой Азии, в исторической области Лидия, воды которой были богаты золотоносным песком.

⁸ Иеремия – один из пророков Ветхого Завета, ему приписывается книга, ко-

стикой самой что ни на есть решающей природы: как может состояние бедных не быть хорошим, не быть чудесным; разве средняя продолжительность жизни в Англии и, следовательно, среди самого ее многочисленного класса не возросла? Нашему Иеремии пришлось признать, что если это и вправду так, то происходящее поистине чудесно; а все, что он видел ранее в других аспектах жизни бедняков, было отброшено без сожалений. Если жизнь длится долго, она должна меньше изматывать физическими страданиями, душевной неудовлетворенностью и всяческими трудностями; в основном состояние бедняков должно улучшаться, а не ухудшаться. Так и заткнули рот нашему Иеремии. Ну а как же «доказательство»? Те из читателей, которых интересует статистическое доказательство, могут найти его выведенным со всем соблюдением ритуала в брошюре, опубликованной «Чарльзом Найтом и Ко»⁹ – и даже, наверное, сами сделать из нее некоторые выводы. Данные по Нортгемптону, составленные доктором Прайсом «из реестра прихода Всех Святых от 1735 до 1780»; данные по Карлайлу, собранные доктором Хэйшем в течение восьми лет наблюдений за городом Карлайлом, и «вычислений, основанных на них», проведенные другим доктором; невероятный «труд, который сочли удовлетворительным французские ученые» – увы, разве

торая так и называется «Плач Иеремии».

⁹ Речь идет об эссе о способах страхования от несчастных случаев (Лондон, 1836).

это не звучит так, словно ревностные ученые сыны Адама доказали углубление мирового океана, бегло, но точно исследовав две мутные волны на Собачьем острове?¹⁰ «Не что-то узнать, а не дать всучить себе всякую чушь!»

Положение рабочего человека в этой стране, каким оно есть и каким было, улучшается оно или ухудшается – вот вопрос, на который статистика пока что ответить не в силах. Пока что, после изучения многих таблиц с данными и всяческих утверждений, мы все равно, по существу, знаем только то, что можем увидеть собственными глазами, глядя на сам феномен. Других методов не существует; и все же это очень несовершенный метод. Каждый превращает то, что намерил своей линейкой, в эталон; так или иначе каждый должен принять то, что он сам увидел и выяснил в качестве образца для всего, что можно увидеть и выяснить. Потому-то расхождения и противоречия столь распространены и долговечны; так что в настоящем нет возможности или даже надежды на удовлетворительное разрешение этих расхождений. Парламент берется за «вопрос о текущем состоянии Англии», так словно он будет решен всего за один день, а на самом деле многое можно было бы исправить! Мудрое исследование, сколь бы сложного вопроса оно ни касалось, принесет хоть немного, но стоящие результаты. А ведь перед нами самый сложный вопрос, который ни прошлые, ни настоящие статистические исследования с их ограниченными инструментами, слабой

¹⁰ Собачий остров – район Ист-Энда, зона доков бывшего Лондонского порта.

проницательностью и чересчур обширным догматизмом уж слишком часто не проясняли, а запутывали, что на деле еще хуже замалчивания.

Из чего состоит благополучие человека? Из многого: какова его зарплата, каков хлеб, который он на нее покупает, но эти показатели являются лишь предварительными. Однако считается, что зарплата – это все; что, зная уровень зарплат и уровень цен на хлеб, мы знаем все; ну, так каковы они? Статистика в ее текущем неуправляемом состоянии этого сказать не может. Показатели среднего уровня ежедневного заработка не проверены ни для одной из частей страны не только за последние пятьдесят лет, но даже за последние лет десять; не говоря уже об основополагающих сравнениях с прошлым, даже настоящее нам сейчас недоступно. Далее, учитывая средний уровень зарплат, каков уровень безработицы, в чем состоит трудность его определения, сезонные сдвиги, годовые? Есть ли там постоянные, вычислимые зарплаты; или они плавающие и невычислимые, более или менее походящие на итог азартной игры? Это вторичное обстоятельство – качество зарплаты, скорее всего, даже важнее, нежели первичное – ее уровень. Далее мы спрашиваем: может рабочий с помощью эффективности и прилежания надеяться дорасти до начальника или у него не может быть таких надежд? Как он связан со своим работодателем – узами дружбы и взаимопомощи; или же имеют место только враждебное противостояние и цепи взаи-

мозависимости? Короче говоря, каков уровень того удовлетворения, которое человек может получать от такой жизни? Когда за ним по пятам гонится голод, его удовлетворение едва ли будет большим! Но даже при обилии пищи его неудовлетворенность, его подлинное страдание может быть огромным. Чувства рабочего, его осознание справедливого или несправедливого с собой обращения, его здоровое самообладание, его умеренность и процветание, с одной стороны, его острое беспокойство, безрассудство и постепенное саморазрушение, с другой, — как цифры могут все это показать? Сколь многое еще предстоит выяснить; сколько сил потратить! И вряд ли это произойдет, до тех пор пока в парламенте вместо обсуждения вопросов о кули и «собачьих упряжках» не начнут обсуждать иные проблемы, напрямую связанные с «вопросом о текущем состоянии Англии», и методы их решения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.